

ДАВИД ГРОССМАН

КАК-ТО

ЛОШАДЬ

ВХОДИТ

В БАР

INSPIRIA

Москва

УДК 821.411.16-31
ББК 84(5ИЗр)-44
Г88

David Grossman
A HORSE WALKS INTO A BAR

Copyright © David Grossman, 2014
This edition published by arrangement with Deborah Harris Agency and
Synopsis Literary Agency

Перевод с иврита *В. Радуцкого*

Гроссман, Давид.
Г88 Как-то лошадь входит в бар / Давид Гроссман ; [перевод с иврита В. Радуцкого]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211252-2

Довале — комик, чья слава уже давно позади. В своем выступлении он лавирует между безудержным весельем и нервным срывом. Заигрывая с публикой, он создает сценические мемуары. Постепенно из-за фасада шуток проступает трагическое прошлое: ужасы детства, жестокость отца, военная служба. Юмор становится единственным способом преодолеть прошлое.

УДК 821.411.16-31
ББК 84(5ИЗр)-44

ISBN 978-5-04-211252-2

© Радуцкий В., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

— Добрый вечер, добрый вечер, дооо-брый вечер, Кейсари-я-а-а-а!!!

Сцена по-прежнему пуста. Из-за кулис раздается громкий крик. Сидящие в зале потихоньку затихают, улыбаясь в предвкушении. Худощавый, низкорослый и очкастый субъект вылетает на сцену из боковой двери, словно вытуренный оттуда пинком. Спотыкаясь, он делает еще несколько шагов по сцене, едва не падает, тормозит обеими руками о деревянный пол, а затем резким движением задирает кверху зад. По залу прокатывается смех, публика аплодирует. Люди все еще заходят из фойе, громко болтая.

— Дамы и господа, — объявляет, не разжимая губ, мужчина, сидящий за столом со световым пультом, — встречайте аплодисментами Довале Джи.

Человек на сцене по-прежнему пребывает в позе обезьяны, его большие очки криво сидят на носу. Он медленно оборачивается к залу и окидывает его долгим немигающим взглядом.

— О, — фыркает он, — не Кейсария, нет?

Раскаты смеха. Он медленно выпрямляется, отряхивает ладони от пыли.

— Похоже, мой агент опять меня поймел?

Слышатся выкрики из публики. Человек бросает ошеломленный взгляд в зал:

— Что такое? Что ты сказала? Ты, седьмой столик, да-да, ты, милочка, *мабрук*¹, у тебя новые губки, тебе они очень к лицу!

Женщина хихикает и прикрывает рот ладонью.

Человек стоит на краю сцены, слегка раскачиваясь взад-вперед.

— Будь серьезной, моя прелесть, ты всамделе сказала «*Нетания*»?

Его глаза расширились, почти заполнив линзы очков:

— Дайте соображу: ты мне здесь говоришь, в здравом уме и с предельной наглостью, что я сейчас, *ашкара*², в Нетании, да еще и без бронезилета?³

Скрестив ладони, он в ужасе прикрывает ими причинное место. Публика восторженно ревет. Тут и там раздается свист. Входят еще несколько пар, а за ними — шумная компания молодых мужчин, по-видимому, солдаты в увольнении. Маленький зал заполняется. Знакомые машут друг другу. Три официантки в шортах и фиолетово светящихся маечках с круглым вырезом выходят из кухни и снуют между столиками.

¹ Мабру́к — благословение по поводу радостного события или позитивного процесса (*арабск.*).

² А́шкара — прямо-таки (*сленг, арабск.*).

³ Курортный город Нетанию нередко и не без оснований называют криминальной столицей Израиля.

— Послушай-ка, Губки, — человек улыбается женщине за седьмым столиком, — я с тобой еще не закончил, давай поговорим об этом... Нет, потому что ты кажешься мне девушкой серьезной, с оригинальным вкусом, если я правильно понимаю твою занятную прическу, которую тебе сделал — дай угадаю — тот самый дизайнер, сотворивший нам и мечети на Храмовой горе, и атомный реактор в Димоне?

Публика от души хохочет.

— И если я не ошибаюсь, здесь я чую еще и запах денег... *Ямба*¹ денег... Я прав или я не прав? А? Сто пудов? Нет? Совсем нет? Я скажу тебе почему. Потому что я вижу здесь и великолепный ботокс, и совершенно бесконтрольное уменьшение груди. Поверь мне, я бы руки отрезал этому пластическому хирургу.

Женщина скрещивает руки, прикрывает лицо ладонями и взвизгивает сквозь пальцы, как от щекотки.

По ходу разговора он быстро расхаживает по сцене от края до края, потирая руки и пристально разглядывая публику в зале. Его ковбойские сапоги с высокими каблуками сопровождают все перемещения сухим постукиванием.

— Только объясни мне, лапочка, — громко и вопрошает он, не глядя на женщину, — как такая интеллектуальная девушка не знает, что подобные вещи надо рассказывать человеку предельно осторожно, руководствуясь здравым смыс-

¹ *Ямба* — много, в изобилии, в огромном количестве (*сленг*, «ям» — море, *ивр.*).

лом, осмотрительно, обдуманно. Не обрушивать на него: «**Ты в Нетании! Бум!**» Что это с тобой? Человека следует подготовить, особенно если он такой тощий.

Быстрым движением он поднимает свою линялую трикотажную рубашу, и по залу пробегает невольный вздох.

— Что, не так ли? — Он обращает свое оголенное тело к тем, что сидят и справа, и слева от сцены, озаряя их при этом широкой улыбкой: — Видели? Кожа да кости. В основном хрящ, клянусь вам. Если бы я был лошадью, то уже превратился бы в клей.

В публике слышатся растерянные смешки и громкие неодобрительные выдохи.

— Пойми, душа моя, — он вновь обращается к столику номер семь, — и знай на будущее: подобное извещение преподносят человеку с осторожностью, и немного предварительной анестезии не повредит. Обезболивание, *ра́бак!*¹ В мочку уха осторожно вводят обезболивающее: *«Поздравляю тебя, Довале, прекраснейший из мужчин, ты удостоился! Тебя избрали для участия в особом эксперименте. Ничего чрезмерно длительного, всего полтора часа, максимум — два, что является предельно допустимым временем, в течение которого нормальный человек может подвергаться опасности открытого общения с людьми, пришедшими сюда...»*

Публика смеется, и человек на сцене удивлен: — Чего вы смеетесь, *а́хбалот?*² Это про вас!

¹ Ра́бак — ко всем чертям! (сленг, арабск.)

² А́хбалот — мн. число от слова «а́хбаль» — глупец (арабск.).

Публика заливается смехом, а он за свое:

— Минутку. Давайте разберемся: вам уже сообщили, что вы здесь на «разогреве» перед настоящей публикой?

Свист, бурный взрыв смеха. В отдельных местах зала раздается пронзительное, протяжное «Бу-у-у», слышатся удары ладонями по столам, но большинство воспринимают это как забаву. В зал входит еще одна пара, высокие, тоненькие, их пушистые, золотистые волосы ниспадают на лоб: юноша и девушка или, возможно, двое юношей, облаченных во все черное, отливающее блеском, с мотоциклетными шлемами под мышками. Человек на сцене взглянул на них, и тонкая морщинка пролегла у него над глазом. Он двигается по сцене непрерывно. Через каждые несколько минут, подкрепляя сказанное, он резко выбрасывает кулак в воздух, а затем обманным движением боксера ускользает от невидимого противника. Публика наслаждается, а он, прикрывая рукой глаза, рыщет взглядом по всему залу, который уже почти полностью погрузился в темноту.

Он ищет меня.

— Между нами, братья мои, сейчас я должен положить руку на сердце и сказать вам, что помираю, прямо по-ми-рра-аю по Нетании, верно?

— Верно! — кричат ему в ответ несколько молодых людей из публики.

— И до чего же замечательно в этот вечер четверга быть здесь с вами в вашей изумительной промышленной зоне, да еще в подвальном помещении, прямо над прекрасными залежами радона,

извлекая для вас из собственной задницы шутки или остроты, одну за другой... Верно?

— Вер-но! — вопит в ответ ему во все горло публика.

— Неверно! — решительно заявляет человек на сцене, с удовольствием потирая руки. — Все это — «*фарш*»¹, кроме задницы, ибо скажу я вам правду: не выношу ваш город. Пугает меня до смерти эта Нетания: каждый второй человек на улице выглядит участником программы защиты свидетелей, а каждый третий встречный прячет в багажнике своего автомобиля первого встречного, завернутого в черный пластиковый пакет. И поверьте мне, если бы я не должен был выплачивать алименты трем прелестным женщинам да еще поддерживать один, два, три, четыре, пять — пятерых детей, *хамса*²... — он швыряет публике в лицо ладонь с растопыренными пальцами, — клянусь, стоя перед вами, что я первый в истории мужчина, страдавший от послеродовой депрессии. Пять раз испытал я послеродовую депрессию. Собственно говоря, только четыре, поскольку однажды родились близнецы. В сущности — пять, если считать и депрессию после *моих собственных* родов. И тем не менее из всего этого бала-

¹Фарш — неполноценный, испорченный, низкого качества (*сленг*, из языков уроженцев Марокко: мусор, отходы).

²Хамса — украшение в виде ладони с пятью пальцами, амулет для защиты от сглаза, «на счастье». Обычай евреев — уроженцев Северной Африки. «Хамса» — пять, *арабск.* Ныне широко распространена в Израиле.

гана вышло нечто хорошее и для вас, и для Нетании, самого волнующего из городов, и если бы не мои вампиры с молочными зубами, то нынешним вечером я ни в коем случае не оказался бы здесь ради семисот пятидесяти шекелей, которые Иоав платит мне наличными, без квитанции, без единого доброго слова. Итак, *ялла*¹, братцы мои, сладчайшие мои, давайте в этот вечер поспразднуем, снесем крышу! *Бурные аплодисменты Королеве Нетании!*

Зрители аплодируют, несколько сбитые с толку неожиданным поворотом, но увлеченные ревом, идущим от сердца, милой улыбкой, вдруг озаряющей его лицо, которое полностью меняется. И — словно срабатывает вспышка фотоаппарата — исчезает скептическое выражение и появляется лицо интеллектуала, приветливое, приятное и деликатное, почти нежное лицо человека, у которого нет и не может быть никакой связи с тем, что исторгают его уста.

Он явно наслаждается путаницей, которую сам и создает.

Словно изображая циркуль, он медленно вращается на одной ноге вокруг своей оси, и по завершении полного оборота на его искаженном лице вновь появляется выражение горечи:

— У меня потрясающая новость, Нетания! Вы не поверите, какая удача свалилась на вас, но как раз на сегодня, именно на двадцатое августа, чисто

¹Ялла — «ну же!», «давай!», возглас понукания, очень распространен в Израиле. Из *арабск.*: «Хой, Алла» — «О Боже».

случайно выпадает мой день рождения. Спасибо, спасибо. — Он скромно склоняет голову. — Да, совершенно точно, пятьдесят семь лет тому назад мир стал немного худшим местом для жизни. Спасибо вам, дорогие. — Он расхаживает, покачивая бедрами, вдоль сцены, обмахивая лицо воображаемым веером. — Очень любезно с вашей стороны, правда, вам не стоит беспокоиться, это уже чересчур, чеки вы потом сможете опустить в ящик у выхода, банкноты прошу клеить мне на грудь в конце представления, и если вы принесли секс-купоны, то немедленно подойдите и передайте мне прямо в руки...

Тут и там люди в зале поднимают стаканы, поглядывая на него. С большим шумом входит компания из нескольких пар — мужчины, шествуя по залу, хлопают в ладоши, — и все они усаживаются за столиками вблизи стойки, служившей когда-то стойкой бара. Они приветственно машут руками человеку на сцене, а женщины еще и окликают его по имени. Он тоже машет рукой им в ответ, прищурившись, будто сомневаясь, как это делают близорукие. Вновь и вновь он обращает свой взгляд на меня, сидящего за столиком в дальнем углу зала. С той минуты, как он вышел на сцену, ищет он мои глаза. Но я не в состоянии прямо поглядеть на него в ответ. Не нравится мне здешний воздух. Не нравится мне воздух, которым он дышит.

— Поднимите руки те, кому уже миновало пятьдесят шесть!

Несколько человек поднимают руки. Он обзирает их и кивает в изумлении:

— Я впечатлен, Нетания! Враз показали замечательную продолжительность жизни! Нет, совсем не просто у вас дожить до такого возраста, верно? Иоав, направо-ка прожектор на публику, и тогда мы поглядим... Я ведь сказал «пятьдесят семь», госпожа моя, а не «семьдесят пять»... Минутку, братцы, давайте по одному, Довале имеется здесь в избытке, его на всех хватит. Да, четвертый столик, что ты сказал? И тебе тоже пятьдесят семь? Даже восемь? Потрясающе! Глубоко! Он опережает свое время. И когда же это случится, говоришь ты? Завтра? Поздравляю с днем рождения! А как тебя зовут? Как? Повтори! Иор... **Иорай**... Ты смеешься надо мной? Это твое имя или так назывался курс, который ты закончил во время своей службы в армии? *Вáлла*¹, братишка, родители определили тебя в *шестерки*², а?

Человек по имени Иораи от души хохочет. Его жена, толстая дама, опираясь на него, ласково, круговыми движениями поглаживает его лысину.

— А та, что рядом с тобой, браток, размечающая на тебе территорию, — это госпожа **Иорайт**? Будь сильным, брат мой... Видишь ли, ты ведь надеялся, что имя Иораи — это последний удар,

¹Вáлла — возглас восторга, изумления и проч. (сленг, из арабск. клятвы — «Богом клянусь!»).

²Автор, конечно же, употребил не шестерка, а сленговый глагол в прошедшем времени: «синджер» — предназначил удел прислуги, посыльного и т. п. В израильском сленге такой человек называется «санджар» — по-видимому, от англ. мессенджер (messenger) — посыльный, курьер, связной и т. п.

который судьба обрушила на тебя, а? Тебе было всего три года, когда ты осознал, что сделали тебе родители. — Он медленно шагает по сцене, играя на невидимой скрипке. — Одинокий, всеми заброшенный, ты сидел в углу детского сада, грыз луковицу, которую мама положила тебе в сумочку для завтрака, глядел на детей, играющих вместе, и сказал самому себе: «Приободрись, Йорай, молния не бьет дважды в одно и то же место»... *Сюрприз. Она все-таки ударила дважды!* Добрый вечер вам, госпожа Йорайт! Скажите мне, милая, есть ли у вас замысел просто по-дружески рассказать всем нам об озорном сюрпризе, который вы готовите мужу в день его праздника? Глядя на вас, думаю, что мне точно известны мысли, пробегающие в вашей голове: «Поскольку это твой день рождения, Йорайке, то нынешней ночью я скажу тебе “да”, но только не хватает, чтобы ты поступил со мной так, как пытался сделать это десятого июля шестьдесят восьмого года».

Публика просто хохочет во все горло, да и сама мадам дергается в конвульсиях от смеха, волны которого искажают ее лицо.

— А теперь скажите, Йорайт, — он снижает голос до шепота, — между нами: вы и вправду думаете, что всякие там ожерелья, бусы и цепочки могут скрыть все ваши подбородки? Нет, серьезно, не кажется ли вам, что в такие времена, когда необходимо потуже затянуть пояса, когда в нашей стране есть молодые пары, вынужденные довольствоваться только одним подбородком, — и он скользнул ладонью по собственному подбородку, короткому, втянутому, иногда придающему ему

облик испуганного грызуна, — а вы, *саба́ба*¹, щедро позволяете себе два... минутку, три! Госпожа моя, только из той кожи, что пошла на ваш зуб, можно было бы сделать еще один ряд палаток, которые молодежь, протестующая против правительства, поставила на бульваре Ротшильда в Тель-Авиве!

Из-за столиков раздалось несколько рассеянных смешков. Зубы госпожи Иораит обнажились в несколько натянутой улыбке.

— И между прочим, Нетания, если мы уж заговорили о моей экономической теории, то хотелось бы, отбросив все сомнения, уже сейчас заметить, что вообще-то я — сторонник всеобъемлющей реформы финансового рынка!

Он останавливается, тяжело дышит, кладет руки на бедра, ухмыляется:

— Я — гений! Ей-богу! Из уст моих вылетают слова, которые я и сам толком не понимаю! Слушайте хорошенько, я уже целых десять минут решительно и бесповоротно придерживаюсь мнения, что налоги следует взимать с человека исходя непосредственно из его веса — налог на плоть!

Еще один взгляд в мою сторону — изумленный, почти испуганный, пытающийся высвободить из глубин моей личности того тоненького юношу, каким он меня помнит.

¹Саба́ба — нечто доставляющее удовольствие, очень успешное; слово, выражающее согласие, подтверждение. Иногда имеет форму прилагательного «саба́би», «саба́би-ба́би». Широко употребляется и варьируется, к примеру, «саба́биш» — от *арабск.* «цаба́ба» — прекрасно, отлично.